

Шиманская Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь

Olga Shymanskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
shimans@tut.by

Карасюк Яна Олеговна

преподаватель кафедры иностранных
языков
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь

Yana Karasiuk

Lecturer of the Department of Foreign Languages
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
krilova.yana97@gmail.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ
ЗООМОРФНЫХ ДИМИНУТИВОВ

TYOLOGICAL FEATURES
OF DIMINUTIVE ZOOMORPHIC METAPHORS

Статья посвящена выявлению типологических закономерностей концептуальных (номинативных) метафор, первичными лексико-семантическими вариантами которых являются диминутивы зоонимов в русском, белорусском, английском, немецком и китайском языках. При этом под диминутивами понимаются суффиксальные дериваты зоонимов и сложные слова в китайском языке. Материалом исследования стали диминутивы-зооморфизмы, полученные в результате сквозной выборки из толковых словарей и корпусов текстов.

Ключевые слова: *метафора; метафорическая модель; зооморфизм; диминутив; семантические универсалии.*

The article is devoted to revealing the typological patterns of conceptual (nominative) metaphors, the primary lexical-semantic variants of which are zoonym diminutives in Russian, Belarusian, English, German, and Chinese. At the same time, diminutives are understood as suffix derivatives of zoonyms and compound words in Chinese. The research material is represented by diminutives of zoomorphisms obtained as a result of a cross-cutting selection from explanatory dictionaries, as well as from text corpora.

Key words: *metaphor; metaphorical model; zoomorphism; diminutive; semantic universals.*

На современном этапе развития метафорологии и лингвистики универсалий ощущается потребность в установлении не только общих правил когнитивных процессов, лежащих в основе любого языка, и частных случаев несовпадения (и совпадения) семантического объема производных метафорических значений, но и в обнаружении универсальных метафорических переносов, характерных для сопоставимых групп первичных значений в раз-

личных языках. В данном отношении интерес представляют концептуальные зооморфные метафоры, обладающие рядом специфических свойств, в частности зооморфизмы-диминытивы.

Диминытивы, как правило, анализируются в контексте коннотации, где рассматривается их способность к энантиосемии – пейоративной и положительной коннотации. Тем не менее, как и зооморфные метафоры в целом, диминытивы, образованные от наименований животных, могут использоваться не только с оценочной коннотацией, но и с нейтральной, в таком случае репрезентируя номинативную функцию, свойственную концептуальной метафоре. Нас интересуют именно зооморфные диминытивы с номинативной функцией и имеющие нейтральную коннотацию.

В то время как категория диминытивности в синтетических и аналитических языках представлена по-разному [1, с. 92], рассматриваемые нами закономерности опираются на семантические признаки, что объясняет наличие сходных явлений в различных языках вне зависимости от их типа. Например, очевидно, что использование зооморфных диминытивов для наименования графических знаков является универсалией, хотя морфологически реализуется по-разному, сравним: *птичка* (русский язык, графический знак), *собачка* (знак @ в русском языке), 小老鼠 *xiǎo lǎoshǔ* ‘маленькая мышь’ (знак @ в китайском языке). Само наличие довольно многочисленных групп зооморфных диминытивов с номинативной функцией в различных языках инспирирует поиск универсальных закономерностей, лежащих в основе этих метафорических переносов: словосочетание *little cat* ‘маленький кот’ (англ.) обозначает комбинацию карт в покере; диминытив *birdie* ‘птичка’ (англ.) в переносном значении выступает как синоним слова *волан*, а также как вид удара в гольфе. Дальнейший анализ покажет, что мотивы возникновения переносных значений могут быть различными, но все они реализуют когнитивные закономерности языка.

Задача данной статьи состоит в выявлении типологических закономерностей концептуальных (номинативных) метафор, сфера источника которых представлена диминытивами зоонимов в русском, белорусском, английском, немецком и китайском языках. Причем под диминытивами в этом случае мы имеем в виду не номинативно автономные названия детенышей животных и птиц (например, *теленочек*, *calf* и т.п.), а именно производные суффиксальные зоонимы. Материалом исследования стали диминытивы-зооморфизмы, полученные в результате сквозной выборки из толковых словарей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], а также корпусов текстов – Национального корпуса русского языка [9], Белорусского национального корпуса [10], Британского национального корпуса текстов [11] и Корпуса электронного словаря немецкого языка DWDS [12]. Всего в статье анализируется 21 диминытив. Основным методом исследования является метод семантических универсалий, также использованы методы этимологического, компонентного и дефиниционного анализа и сопоставительный метод.

Зооморфные метафоры становились предметом исследования таких известных ученых, как Г. Н. Скляревская, А. П. Чудинов, А. Н. Баранов, а также отечественных исследователей – В. Д. Стариченка, Н. В. Яскевич, О. Н. Брагарник-Станкевич, Е. И. Будниковой и др. Зооморфные метафоры, которые иногда называются бестиальными, имеют антропоморфный характер, «зооантропоморфизмы составляют основу любого традиционного универсума» [13, с. 3]. З. Ю. Петрова, говоря о номинативной (не оценочной) функции зооморфизмов, указывает, что для обозначения предметов или их частей могут использоваться названия животных или частей их тела – *гусеница, собачка, лапка* [14].

Согласно мнению большинства исследователей, в основе метафорических переносов М-модели «животное → предмет» лежит внешнее сходство, чуть реже – функциональное. Преобладающим в данной модели является так называемый внешнесхожий тип метафоры (термин В. Д. Стариченка), то есть образование нового значения на основании внешнего сходства животного и предмета; выявлены также случаи установления отношений подобия на основании сходства в движении или звуках. Данные закономерности характерны как для зооморфных метафор в целом, так и для зооморфных диминутивов.

В качестве иллюстрации этого положения рассмотрим метафору *змейка* в русском и белорусском языках. В указанных языках имеются следующие вторичные значения диминутива: ‘пружина-змейка’, ‘застежка-змейка’: *Толщина, как и густота размещения пружинного блока змейки определяется в зависимости от предназначения будущей мебели* [9]; *Благодаря отсутствию зубцов «змейка» дешевле и проще в изготовлении и реже выходит из строя, чем «молния»* [Там же]; *У девицы змейка была полураскрыта* (С. Шикера) [Там же]. Согласно данным корпусов, у слова *змейка* есть и другие значения, например, ‘небольшие фейерверки’, ‘фигура вождения’: *Швермер (або змейка) – феерверкавая фігура* (А. Бельскі) [10]; *Кандыдаты пакажуць сваё майстэрства ваджэння, праехаўшы тры элементы: “Змейка”, “Васьмёрка”, “Калідорчык”* («Рэгіянальная газета») [Там же].

Очевидно, что наиболее важным для образования упомянутых метафор является внешнее сходство. В то время как в толковых словарях представляются формулировки, основанные на контекстном употреблении зооморфизмов, более верно было бы использовать словарное определение, аналогичное приводимому в англоязычном словаре: *anything resembling a snake in appearance or action* ‘все, напоминающее змею по внешнему виду или движению’ (здесь и далее перевод наш. – О. Ш., Я. К.) [7]. К группе метафор «внешнесхожего типа» можно отнести метафору *свинка* в значении ‘болезнь’, которая устанавливает внешнее сходство шеи больного паротитом человеком с толстой шеей свиньи: *Саша завтра в детский сад не придет, у него свинка* [3].

Перенос на основе подобия издаваемых животным и предметом звуков наблюдаем на примере метафоры *волчок*, представленной в русском и белорусском языках и обозначающей юлу: *заводить волчок* [3]; *старанна выводзіла доўгую нітку, пускаючы верацяно, нібы ваўчок* (Я. Брыль) [10]. Интересно, что в то время как название игрушки произошло из-за сходства звука, производимого ею с воем волка, метафора *волчок* используется также для именованя непоседливого, суетливого человека, то есть происходит вторичная метафоризация, в данном случае, на основе внешнего сходства движения: *крутиться волчком* [3]; *закруціўся як ваўчок* (А. Якімовіч) [10].

В современном русском языке в садоводстве *волчком* называется также длинный побег на дереве, как правило, не приносящий плода: *Нередко волчки формируются на яблонях после неправильной обрезки. Волчками* именуются также разные породы растений, значение имеет в словаре [4] помету «бот.». Согласно словарю В. И. Даля слово *волцы* в русском языке использовалось для номинации колючих сорных трав [2, с. 237], возможно, по ассоциации с опасностью и/или бесполезностью для человека. Данные зооморфизмы могут быть отнесены как к метафоре, так и к метонимии: если в основе сравнения лежит абстрактный признак (например, опасность, важность), то это метафора, а если реально вычленяемый общий признак (среда обитания), то метонимия. Возможно определение таких слов как метафтонимий. В целом, продуктивность зооморфных метафор «обусловлена мифологическим восприятием мира древним человеком» [15, с. 30].

Функциональное подобие ('захватывать'), вероятно, лежит в основе вторичных значений диминутива *собачка* 'деталь механизма' и 'спусковой крючок': *Мы <...> пытались столовым ножом отжать заклинившуюся «собачку» замка* (Д. И. Рубина) [9]; *...Андрей вынул револьвер и выжидал, держа палец на собачке* (С. М. Степняк-Кравчинский) [Там же]. Тем не менее следует отметить, что основа метафорического переноса в подобных случаях не всегда очевидна.

Сходство на основе звуков, производимых животными, а также их внешнего вида может стать основой для метафор модели «животное → животное» или «животное → растение». Так, одно из значений диминутива *волчок* в зоологии – 'выпь особой породы'. Очевидно, что как сам зооним *выпь* образован по принципу ономотопии (ср.: *вопить, вопль*), так и именование птицы *волчком* связано с установлением подобия издаваемых животными (и птицами) звуков. В немецком языке есть название насекомого *das Fischchen* 'щетинохвостка' (досл. *рыбка*), иногда – *Silberfischchen* 'серебряная рыбка', в основе данной метафоры лежит внешнее сходство: у щетинохвостки серебристое тело, напоминающее чешую рыбы: *Silberfischchen fressen Lebensmittel, Wolle, Kunstseide und Papier* 'Щетинохвостка ест продукты питания, шерсть, вискозу и бумагу' [12].

Внешнее сходство, а также синестезия (отсылка к тактильному ощущению – пушистый, мягкий на ощупь) лежит в основе метафоры *котик*

(обычно *котики*) в русском, белорусском и немецком языках: *Пришла весна, распустились котики* [9]; *Адышла пара жоўтых коцікаў на вербалозінах* (У. Федасеенка) [10]; *Ein Kätzchen ist ein meist männlicher Blütenstand mancher Bäume und Sträucher* ‘Котик – это преимущественно мужское соцветие на некоторых деревьях и кустарниках’ [12]. Интересно, что поиск в корпусе русского языка по запросу *котики* не дает результатов; данное значение присутствует в русскоязычных онлайн-текстах, но лишь единичные из них созданы в России, большинство – в Беларуси и Украине.

Синкретизм процессов метафоризации обнаруживается и при анализе семантического развития производных значений зооморфных диминутивов. Так, еще одно значение рассмотренного выше полисеманта *волчок*, представленное и в русском, и в белорусском языках, – ‘отверстие в двери тюремной камеры’, ‘глазок’: *Вскоре слышен лязг волчка: дежурный смотрит в глазок* (Я. Е. Харон) [9]; *назіраў за ягонымі патугамі праз «ваўчок»* (М. Сяднёў) [10]. Вероятно, данный ЛСВ – также результат вторичной метафоризации, в этом случае – по внешнему подобию: кружок волчка, закрывающий глазок, вращается на креплении и напоминает вращающийся волчок-игрушку.

Таким образом, на основании рассмотренных примеров можно предположить, что зооморфные диминутивы, используемые для наименования предметов в русском и белорусском языках, могут вовлекаться в процесс вторичной метафоризации и выступать в качестве объектов сравнения для новых предметов, механизмов и их частей.

Интересно, что в Национальном корпусе русского языка обнаруживаются примеры диминутива *волчок* в значении ‘кибитка’ (точнее, салон данного средства передвижения), датируемые серединой XIX века: *что-то ударило в волчок кибитки и раздробило его верхушку* (И. И. Лажечников) [9]; *я не один раз выскакивал из волчка кибитки* (А. Черкасов) [Там же]. Этимологический анализ показывает, что это всего лишь омонимия, возникшая вследствие фонетических изменений: согласно словарю В. И. Даля *волчок* – «крытая повозка с верхом, кибитка», и слово произошло от *обволокать* – ‘обтягивать’ (ср.: *болок, болочок, волчек*) [2, с. 240].

Анализируя универсальные зооморфные метафоры в исследуемых языках, можно выявить две основные тенденции, объясняющие их наличие. Первая, как известно, когнитивная закономерность в образовании метафор, свойственная всем людям и проявляющаяся в установлении подобия между известным и новым. А. А. Ричардс сказал, что «метафора – вездесущий принцип языка» [16, с. 45]. Данный принцип реализуется как в возникновении новых значений в каждом языке, так и на самых ранних этапах развития языков на уровне групп и семей. Например, паронимы *мышца* и *мышка* в значении ‘мышца под плечевым сгибом’ не случайны, поскольку оба эти слова (так же, как и *mouse* и *muscle* в английском, греческое и латинское *mus*, древнегерманское *mus*) имеют общее индоевропейское

происхождение. Само латинское слово *musculus* ‘мускул’, ‘мышца’ является диминутивом *mus*: движение мышцы под кожей напоминает бег мыши, что послужило основой для возникновения такой древней метафоры. Схожесть же координатного устройства компьютера с животным стало основанием для возникновения нового значения – *мышка*.

В то время как концептуальный характер метафор служит базой для появления новых вторичных значений, существует еще одна тенденция, в результате которой в различных языках имеются аналогичные зооморфные метафоры. Данная тенденция – заимствование. Очевидно, что *компьютерная мышь* в русском языке получила свое название в результате подбора эквивалента соответствующей метафоре английского языка.

Наиболее активно этот процесс происходит в близкородственных языках. Использование собственно белорусских зооморфных метафор для одних значений и заимствованных калек из русского языка для других приводит к интерференции вторичных значений, как видим из следующих примеров: *Газетная вутка* [5]; *Аднак гэта – газетная качка* («Звезда») [10]; *Гэта газетная «качка» доўга блукала ў нашай краіне* («Звезда») [Там же]. Очевидно, что значение ‘ложный слух’, характерное для заимствованного слова *вутка*, экстраполировалось на белорусское слова *качка*, которое также стало применяться в этом значении. Рассмотренные метафоры не являются диминутивами, однако указанная закономерность общая для всех зооморфизмов, что будет подтверждено далее.

Описанный нами процесс иногда приводит к тому, что калькирование происходит в нарушение правил языка, в результате чего кальки заменяют собственно белорусскую лексику, как свидетельствует следующий пример из Интернета: *Каб сагрэць пальцы і рукі, засуньце іх пад мышкі*. В белорусском языке для обозначения подмышки применяется слово *пах*: *Хлапчук падняў вопратку, моўчкі надзеў шапку, узяў пад паху халацік і знік за дзвярыма* [5].

Однако параллельное использование исходной лексики языка и заимствованной кальки наблюдается не только на материале близкородственных языков. В условиях глобализации такая ситуация возможна и в более широком масштабе. Для иллюстрации рассмотрим зооморфный диминутив *бёрди* ‘птичка’, обозначающий в гольфе результат игры на лунке на удар меньше пара в английском, русском и немецком языках: *I can't believe you got a birdie on such a difficult hole* ‘Я не могу поверить, что ты выполнил птичку на такой сложной лунке’ [11]; *Затем он выполнил четыре бёрди и завершил турнир с прекрасным показателем* [9]; *Еще один удар в запасе. Похоже, это птичка* [Там же]; *Doch nach fünf Birdies auf den ersten zehn Löchern schlichen sich Fehler ein* ‘Но после пяти бёрди на первых десяти лунках закрались ошибки’ [12].

В гольфе существует много именованных ударов названиями птиц, этим объясняется и появление еще одного, изначально в качестве окказионализма,

созданного американскими гольфистами в начале XX века от фразы *a bird of a shot* ‘выдающийся удар’: *What a bird of a shot!* ‘Какой выдающийся удар!’ [11]. Как показывают примеры выше, данный термин английского языка был заимствован в виде кальки (транскрипции) и другими языками, причем в связи с «прозрачностью» метафоры и ее соответствием продуктивным М-моделям мы можем наблюдать использование эквивалентных слов языка-реципиента наравне с калькой. Указанный процесс приводит к расширению многозначности зооморфных диминутивов.

Из сказанного выше следует, что так же, как и зооморфные метафоры с непроизводными основами, зооморфные диминутивы могут использоваться для номинации предметов, животных и растений на основании внешнего и функционального сходства, а производные значения, в свою очередь, выступают основой вторичной метафоризации. Наряду с этим наблюдается явление заимствования зооморфных диминутивов в виде калек с других языков (например, *бёрди*). Причем при соответствии заимствованных метафор продуктивным моделям вероятны случаи параллельного употребления заимствований и эквивалентных единиц собственной лексики (например, *мышка* в значении ‘подмышка’ в белорусском языке, *птичка* и *бёрди* в значении ‘удар в гольфе’ в русском языке), а также появление вторичных значений исконных зооморфизмов по модели (например, значение ‘ложная информация’ у слова *качка* в белорусском языке, по аналогии с *вутка*).

Результаты представленной работы могут применяться при сопоставительном изучении языков и в преподавании лингвистических дисциплин. Дальнейшее исследование зооморфных диминутивов будет способствовать более глубокому пониманию когнитивных и типологических закономерностей метафорического моделирования, а также углублению лонгитюдного анализа функционирования заимствований в различных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чударь, А. Н. Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском / А. Н. Чударь // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 2 (105). – С. 92–99.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка : в 4 т. / В. И. Даль. – 2-е изд. – М. : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 723 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов (гл. ред.). – Режим доступа : <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа : 20.07.2021.
4. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа : 18.08.2021.

5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977 – 1984. – 5 т.
6. Cambridge Dictionary [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
7. The Free Dictionary [Электронны рэсурс]. – Farlex, 2021. – Режим доступу : <https://www.thefreedictionary.com/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
8. Duden [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://www.duden.de/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
9. Национальный корпус русского языка [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
10. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://bnkorpus.info/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
11. British National Corpus [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://www.english-corpora.org/>. – Дата доступу : 20.07.2021.
12. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронны рэсурс]. – Режим доступу : <https://www.dwds.de/>. – Дата доступу : 18.08.2021.
13. Родионов, М. А. Предисловие / М. А. Родионов // Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. – СПб., 2014. – С. 3–4.
14. Петрова, З. Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. – М., 1989. – С. 120–133.
15. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. – 632 с.
16. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44–67.

Поступила в редакцию 27.09.2021